

Е. Р. Николаев

О СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В ЛЕКСИКЕ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКИХ, ХАКАССКИХ, АЛТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК)

В статье представлены результаты исследования, которые были основаны на материале 123 якутских, алтайских и хакасских народных сказок из академических изданий. Приводятся семантические схождения 22 наименований пищи по составу блюда: молочные, мясные, рыбные, растительные. Подчеркивается, что в сюжетах народных сказок представлены слова, отражающие гастрономическую лексику реального быта народа. Пища привязана к традиционному занятию, к повседневной жизни, т. е. во многом имеет бытовой характер. Выявлено, что система наименований пищи якутов, хакасов и алтайцев возникла на основе общего типа традиционных занятий — скотоводство и коневодство. Сравнительно-сопоставительным методом установлено, что рассмотренная лексика пищи имеет разнородный характер, который непосредственно связан с освоением территорий с различными природно-климатическими условиями. Главное отличие обусловлено различными условиями возникновения: холодный климат, вечная мерзлота (як. *лыыба*); развитое земледелие (алт. *талкан*) и т. п. Описываются лексемы, относящиеся к периферии гастрономической лексики: общетюркская основа *bïš-* 'вариться, свариться'; наименования кухонной утвари, посуды (хак. *берёста* 'стол' и т. д.); фрагменты обряда прощения ребенка (хак. сказка «Хузургас»); национальные традиции (гостеприимство, ритуальная пища).

Ключевые слова: якутский язык, алтайский язык, хакасский язык, тюркские языки, народная сказка, лексика пищи, диалектология.

Языковая картина мира, как вербальное представление об окружающем мире, во многом определяется общественными отношениями, которые обусловлены природной средой, где развивается тот или иной тип культуры. Тип культуры ведения хозяйства и быта у тюркских народов на довольно обширном пространстве, как показывают языковые факты, имеет много сходных реалий, например, в системе пищи. Если этнографические источники современности вполне явственно выводят общие черты, то тексты народных сказок, как более отдаленные и абстрагированные, одновременно и привлекательны, и сложны для дефиниционного анализа и выявления мотиваций номинации.

По сравнению с тем, что жанровые особенности якутских, хакасских и алтайских народных сказок, их сюжет и структура являются достаточно хорошо изученной областью [Демчинова; Дьяконова; Павлова; Садалова; Торокова], лексический состав сказок, семантика и этимология отдельных лексических групп редко входят в поле зрения лингвистов. Важно учитывать, что лексика народных сказок отчасти является отражением лексики литературного языка, так как сказки как фольклорный жанр записываются со слов сказочника, зачастую нашего современника. Субъективный характер сказки во многом может влиять на лексический состав текста, на стиль и структуру сюжета. Внешний каркас, типология и сюжет могут не меняться веками, а лексика как более гибкая среда может содержать в себе много интересных реалий, требующих изучения в контексте языка и культуры. Волшебные сказки, сказки про животных, бытовые сказки так или иначе олицетворяют определенные культурные реалии, связанные с укладом жизни народа, с ведением традиционного хозяйства (скотоводство, земледелие, ремесло и т. п.), на основе которых воспроизводится вся бытовая лексика (пища, посуда и утварь, орудия труда, одежда, жилище и т. п.). Таким образом, **актуальность** данной темы обосновывается тем, что из всех возможных тематических групп присутствующая во всех типах сказок гастрономическая лексика может стать источником для сравнительного изучения и выявления общих черт и отличий в контексте языковой кар-

тины мира того или иного народа, которое имеет важную роль для сохранения и развития миноритарных языков Российской Федерации.

Цель нашей статьи — выявить традиционные наименования пищи (блюд) в якутских, алтайских и хакасских народных сказках для определения семантических параллелей, являющихся частью гастрономической лексики в контексте общетюркской языковой картины мира.

Материалом исследования послужили лексические единицы, полученные методом сплошной выборки (22 наименования блюд) из 123 якутских, алтайских и хакасских народных сказок, изданных в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Научная новизна исследования заключается в том, что анализ гастрономической лексики в народных сказках родственных тюркских языков позволит пролить свет на языковые явления, в частности, на выявление дополнительных значений некоторых лексем.

Якуты, хакасы, алтайцы имеют общие языковые корни и схожий тип уклада жизни на различных исторических этапах их становления как этносов. Поэтому данная тематическая группа имеет черты универсальности, которая может указать на сходства в языках одного корня, но имеющих различные историко-культурные пути развития. На примере выявленных наименований блюд (продуктов) была сделана попытка семантического анализа путем сопоставления значений, технологий приготовления, гастрономических свойств, репрезентирующих языковую картину мира, стоящую за данными словами в сознании носителя языка.

В алтайских народных сказках (41 текст) мы выявили следующие лексемы, которые были разбиты на подгруппы. Здесь и далее классификация наименований блюд главным образом составлена на выделении их по основному признаку — по составу: молочные — из молока и его производных, мясные — из собственно мяса (домашнего скота), а также различных органов (например, внутренних), рыбные — из различных видов рыб, растительные — из растений, которые употребляются в пищу, в т. ч. и блюда из муки, которые по составу можно отнести к данной группе. Чтобы избежать излишнего дробления, наименования напитков включены по изначальному составу, т. е. в молочные блюда.

молочные блюда: *арадьан* ‘молочная водка второй перегонки’ (АНС, 2002: 431); *айран* (АНС, 2002: 137); *арака* (араки) ‘молочная водка, перегнанная из заквашенного молока’ (АНС, 2002: 431); *арчи* (*аарчы*) ‘творог, выцеженный после перегонки заквашенного молока’ (АНС, 2002: 431); *ботко* ‘смесь толокна и молока или воды’ (АНС, 2002: 431); *курут* ‘сушеный сыр, приготовленный из арчи’ (АНС, 2002: 432); *кородьон* ‘молочная водка, для крепости перегнанная в третий раз’ (АНС, 2002: 432).

мясные блюда: *кёчө* — мясной суп из толченого овса (С. 432); *юче* — замороженный мясной рулет (АНС, 2002: 434).

растительные блюда: *талкан* — толокно из муки жареного ячменя (С. 433). *Талкан* считается жертвенной пищей (Потапов, 1978: 90), как и *кумыс* или *саламаат*, что считается реалией для подведения общих черт между якутами и саяно-алтайскими народами в контексте древних религиозных воззрений, культов и обычаев.

Как отмечает этнограф Л. П. Потапов, «о пище алтайцев можно судить по данным, относящимся к периоду ранних кочевников, примерно с первой половины I тысячелетия до н. э. В это время основным видом питания у южных скотоводческих племен Алтая становятся молочная пища и мясо домашних животных» (Потапов, 1953: 38). Интересен факт, что фольклорный материал южных алтайцев свидетельствует о тех же основных видах пищи, т. е. «состав пищи алтайских племен на протяжении периода их исторической жизни оставался в основном одним и тем же и не подвергался коренным изменениям» (Потапов, 1953: 42).

В якутском языке можно найти аналогии к алтайским наименованиям: *арыгы* ‘алкогольный напиток, вино’ (ТСЯЯ, 2004: 566). *Арыгы* считается «общим названием всех вин; вино, водка. Слово общеалтайского распространения» (Попов, 2003: 88). *Курут* восходит к

др.-тюрк. *qur* 'сухой', *qurux* 'сухой, высохший, засохший' (ДТС, 1969: 467, 469), как и якутский глагол *курсуй* 'зачерстветь, заплесневеть от долгого хранения, залеживаться' (БТСЯЯ, 2007: 529), прилаг. *кур* 'прошлогодний, старый, лежалый, несвежий', 'откормленный (напр., бык)' (БТСЯЯ, 2007: 514). *Кёчө* по семантике слова практически идентичен с якутским *күөс* 'варево, стоящее на огне (из мяса, рыбы)' [БТСЯЯ, 2008: 72]. *Юче* также имеет сходства с якутскими *үтэ* 'провизия, запас продуктов', *үтэһэ* 'куски мяса или рыбы, нанизанные на один рожон, вертел' (БТСЯЯ, 2015: 576, 577).

Текст сказки подразумевает собой иносказательность, которая передается через речь и поведение персонажа. В пище раскрывается национальный характер этноса. Например, в эпизоде сказки «Лягушка и муравьи» «... муравей пожалел лягушку, позвал к себе в гости, чтобы ее покормить. Лягушка согласилась, пришла в аил. Все муравьи, вместе собравшись, угощали ее аракой, сварили мясо, изжарили кровь, досыта накормили» (АНС, 2002: 81), раскрывается основная черта алтайцев — гостеприимность.

В сказке «Собрание зверей» мы находим следующий эпизод: «Они закололи трех коней, мясо сварили. Все сваренное мясо положили в одну кучу, в тепши налили бульон и сели есть» (АНС, 2002: 97). Действительно, как показывают этнографические исследования, «наиболее сытным и лучшим по вкусу алтайцы считали конину...» (Потапов, 1953: 54). Далее сюжет сказки говорит, что кошка как символ новых веяний и изменений культуры, общественной жизни алтайцев, принесла хаос в жизнь алтайцев: «зайсаны-правители, испугавшись кошки, даже не проведя собрания, разбежались» (АНС, 2002: 99).

Гостеприимство и праздничные традиции (той) также имеют свое место в алтайских сказках: «Той моего среднего брата прошел очень хорошо. Тридцать человек боролись, тридцать скакунов состязались. Угощали так, что у худого человека уши краснели, а у паршивой собаки хвост поднимался» (АНС, 2002: 109). Счастье и лучшая жизнь непосредственно связываются с изобилием пищи, с праздником и застольем, играми и песнями: «Кара-Каан на девять лет той устроил, девять лет продолжались игры. Приготовленную еду съели, выпивку, которую надо было выпить, выпили. Расходясь в разные стороны, народ говорил: "Очень хороший той был"» (АНС, 2002: 209).

Хранение пищи играет большую роль в оседлой жизни. Например, в сказке «Лисичка» есть следующее описание: «под елью обычно [земля] не замерзает, поэтому ямы копали под ней, и в этих ямах они [масло-курут] хранили» (АНС, 2002: 111).

В сказке «Воробей» мы видим один из традиционных видов занятий алтайских народов — охоту: «Их друг — черная собака каждый день охотилась, притаскивала косулю или зайца, иногда даже приносила красноглазого глухаря» (АНС, 2002: 115).

Собирательство как часть пищевой культуры также присутствует в фольклоре. В сказке «Албын и молодая женщина»: «Когда она ходила по солнечному склону горы, [там] было очень много земляники. Тогда она не выдержала, решила набрать ягод» (АНС, 2002: 137).

Мясо как главная еда также может быть своеобразным пропуском в потусторонний мир. В волшебной сказке «Албын и молодая женщина» главный герой должен пройти ритуал распознавания, связанный с трансформацией еды: «... сказал старик, проворно встал, из кипящего казана налил еды из вшей-гнид. Проголодавшаяся женщина, не брезгуя, начала есть из налитой чашки. То, про что она думала, что это вши, оказалось мясом, то, про что думала, что это гниды, оказалось жирным бульоном» (АНС, 2002: 141). Процесс поглощения нечеловеческой еды, чтобы перейти в страну, где обитает Албын, вероятно, является отголоском ритуала или части обряда, относящегося к прошению ребенка.

В сказке «Башпарак»: «Башпарак вышел из аила и ушел домой. Он опять стал спокойно работать, стал сеять хлеб и дальше жить» (АНС, 2002: 173). Считается, что у современных алтайцев хлеб составляет основу питания всех алтайцев. Но до революции этого не было: «Хлебная пища была широко распространена только у кумандинцев, телеутов, живущих в

бассейне рек Большого и Малого Бочатов, северных шорцев, челканцев и северной части тубаларов» (Потапов, 1953: 59).

Таким образом, алтайские сказки представляют собой сохраненный вербальный пласт скотоводческой, охотничьей культуры, верифицируемый этнографическими данными.

В хакасских народных сказках (46 текстов):

молочные блюда: *айран* (ХНС, 2014: 173); *арага* ‘алкогольный напиток, изготавливаемый из кисломолочного напитка айрана’ (ХНС, 2014: 741), в сказке отмечен как *арага-брага* (ХНС, 2014: 177); *арачон* ‘молочная водка двойной перегонки; крепкое вино’ (ХНС, 2014: 741); *пёчэрё* ‘вяленые сырцы из творожной массы, остающейся после перегонки айрана’ (ХНС, 2014: 742).

растительные блюда: *поза* ‘буза, брага из ржаной муки’ (ХНС, 2014: 742). В основе наименования мы видим распространенный во многих тюркских языках глагол *biš-* ‘вариться, свариться’, *bišir* ‘вареный (о пище)’ (ДТС 1969: 105). Основным концептуальным значением данной лексемы считается ‘становиться/быть готовым для употребления в пищу’, ‘дойти до состояния пригодности в пищу’ (Севортян, 1980: 163). В якутском языке также присутствует глагол *бус* ‘свариться, испечься’ (ТСЯЯ, 2005: 581). Процесс приготовления *бухары* ‘варить; сварить’ отслеживается в диалектной единице *бухук* или *бухуу арыы, оргуйбут арыы*, бод., вил., олекм., сад., сунт. ‘топленое масло’ (ДСЯС, 1995: 56). Стоит отметить, что *бухуу арыы* ‘топленое масло’ является одним из популярных натуральных продуктов торговли современной Якутии. Также в хакасских сказках упоминаются «вареная рыба, баранье мясо», «вынутая из печи рыба, завернутая в тулуп лежит» (ХНС, 2014: 61) без упоминания конкретных наименований блюд.

Во многих хакасских сказках сюжетная линия разворачивается вокруг еды, например, мяса — «Перепел и лиса», «Лисий суд» (ХНС, 2014: 65-69, 69-71). Также можно буквально из одного предложения понять, чем питались в старину предки современных хакасов. Например, в сказке «Атыгдзы-Парачап»: «Та старушка, в реку вершу погружая, рыбу ловит. Силки на холме привязывая, птиц ловит. Мясом рыбы, птицы питаюсь, так они живут» (ХНС, 2014: 469); в сказке «Тас чүрек» («Каменное сердце»): «На холме петли ставя, в воду вершу погружая, тем кормясь, так они и жили. Старичок, [из реки] рыбу беря, [на холме] зверей-птиц ловя, своих детей растил» (ХНС, 2014: 543).

Фрагменты обряда прошения ребенка прослеживаются в сказке «Хузургас»/«Хвостик»: «Зарезав, овечий хвост оставив поджариваться, сам [старик] заснул. Просыпается — его жена поджаренный им хвост уже доедает. (...) Какое-то время прожили, в один из дней старик просыпается — плач ребенка слышится. И снова старик, устыдившись, не вставая, лежит. Потом встал. Поднявшись, ребенку имя дает — Хвостиком, из овечьего хвоста рожденным, пусть будет!» (ХНС, 2014: 579).

Название хакасской сказки «Селезенка» (ХНС, 2014: 583) имеет некоторые сходения с якутской сказкой «Таал-Таал эмээхсин» (букв. «Старушка Селезенка-Селезенка» (ЯНС, 2008: 170) в плане кумулятивного типа композиции. В сказке также присутствует мясное блюдо: «Старик со старухой, говорят, овцу зарезали. Ее селезенку запекли».

Ядро семантического поля «Пища» в хакасских сказках также дополняется периферийными лексемами — утварью, посудой, например: «на девятый день разложенное на бересте [угощение] закончилось» (ХНС, 2014: 95). В хакасской кухне также присутствует мед: «пегая кобыла медом была навьючена» (ХНС, 2014: 443). Тут видим процесс запекания пищи как один способов приготовления.

Таким образом, в хакасских сказках тоже репрезентируются скотоводческая культура, охотничий промысел, рыболовство. Можно отметить, что из всех возможных культов превалирует культ еды.

В якутских народных сказках (36 текстов):

молочные блюда: *тымтайдаах хаяк (хайах)* ‘якутское молочное блюдо, приготовленное путем сбивания сливочного масла с кипяченым теплым молоком и подавался в застывшем виде’ (ЯНС, 2008: 422); *арыы* ‘масло’ (ЯНС, 2008: 134); *ымыйалаах арыы* ‘ымыйа (старинная круговая чаша, круговой кубок для кумыса) с маслом’ (ЯНС, 2008: 342); *Кымыс* (ЯНС, 2008: 296). *Хайах* как продукт, который необходимо замораживать, без сомнения, является продуктом холодного климата с вечной мерзлотой и продолжительной зимой. Считается, что культурный первопредок якутов Эллэй первым с женой изготовил кумысную посуду и утварь, а также *кымыс* и другие виды молочной пищи (ИПиРЯ, 1960: 74). Тем самым молочная пища у якутов изначально имеет мифологические начала, что представлено также и в народных сказках.

мясные блюда: *чоонку* (ЯНС, 2008: 158) ‘берцовая кость (обычно оленя, лося), костный мозг из которой употребляется в сыром виде как лакомство’ (БТСЯЯ, 2017: 176); *сыа, хаан* (ЯНС, 2008: 302): *сыа* ‘сало; жир’; *хаан* ‘блюдо, изготовленное из говяжьей или конской крови, смешанной с молоком и налитой в кишки, кровяная колбаса (в сыром или вареном виде)’ (БТСЯЯ, 2016: 103). Интересно, что наиболее традиционные блюда мясной пищи в сказках не упоминаются. Скорее всего, это связано с обыденностью присутствия мяса в жизни якутов.

рыбные блюда: *лыыба* (ЯНС, 2008: 112). *Саһыл биир уһаат лыыбалаах, туруйа биир тымтай хайахтаах.* В старину якуты заготавливали рыбу впрок в кадках, ушатах или яме, обложенной корой (ЯНС, 2008: 371). Сказку о бедном рыбаке записывали преимущественно в северных районах Якутии, где рыболовство «искони было важным промыслом» (ЯНС, 2008: 387). В толковом словаре данный продукт имеет следующую дефиницию: *озерный гольян осеннего улова, которым запасаются впрок, заквашивая его в специальных коробах (употребляли в пищу зимой, после замерзания)* (БТСЯЯ, 2009: 157). *Собо* ‘карась’ (ЯНС, 2008: 252), который также часто присутствует в сказках, считается эндемичным видом карасевых в Якутии. Обилие пресных водоемов (озер), где водится якутский карась, наталкивает на мысль, что сказка могла образоваться и развиться только в такой местности. Тюрколог Н. К. Антонов определил, что семантика *собо* ‘карась’ имеет смещенное значение (Антонов, 1991: 80), т. е. имеет не совсем общетюркские корни. Также можно согласиться с тем, что «якутские термины о рыбе, видах и возрастных различиях рыб возникли в основном самостоятельно, позже, отрывочно от общей тюркоязычной среды» (Антонов, 1991: 80).

Растительные блюда: *биирдэ саһыл үөрэтин үөлээн баран, таһырдыа ньылырыс гынан хаалар* ‘как-то раз, приготовив *похлебку*, лиса выскользнула на улицу’ (ЯНС, 2008: 112). В комментариях сказки указано, что *үөрэ* ‘вид старинной якутской пищи, приготовленной из сосновой заболони’ (ЯНС, 2008: 399). Добавим из лексикографического корпуса якутского языка: ‘похлебка из мелко нарезанного мяса, потрохов рогатого скота; варево, приготовленное из сушеной мелко нарубленной съедобной травы или заболони, на молоке или тар’ (БТСЯЯ, 2015: 490).

Освоение якутами северо-восточной части нынешней России, без сомнения, происходило в течение долгого времени. Наименования диалектных единиц лексико-семантической группы «Пища», присутствующие в северных говорах (например, в колымском) якутского языка, говорят о том, что якуты как этнос освоили большие пространства практически со сложившимся языком. Быстрое освоение и организация на далекой Колыме якутских наследов говорит «... о действительном существовании у якутов феодальной монархии степного скотоводческого типа» (Ксенофонтов, 1992: 77), распространенного на территории нынешней Якутии. Другие культурные реалии как аборигенная якутская корова (*саха ынаба*) и аборигенная якутская лошадь (*саха сылгыта*) оставляют вопрос о южных или, наоборот, северных корнях якутов, открытым.

Заключение

Лексика пищи в сказках непосредственно отражает собой все своеобразие народного быта и культуры, а также такого типа традиционного хозяйства как оседлость (или полуоседлость), которое представлено наименованиями молочных блюд (*арчи, курут, хайах* и т. д.). Блюда с приготовлением в несколько этапов, продукты, требующие особых условий хранения (место, посуда), свидетельствуют об организации быта отдельной семьи в кругу большого сообщества — рода, племени, этноса, который подразумевает обладание земельными угодьями для разведения скота. Кочевой образ жизни связан с коневодством (*кымыс, арага*). Их наличие говорит, что жизнедеятельность якутов, хакасов и алтайцев привязана к двум видам хозяйства: скотоводству и коневодству. Термины, касающиеся собирательства, охоты и рыболовства, напрямую зависят от природно-климатических условий и ландшафта. В этом смысле термины скотоводства и коневодства более стабильны и менее подвержены изменениям. Результатом стабильности условий является неизменность ядра наименований пищи (молоко, мясо). Изменчивость периферийного поля данной группы может служить маркером для выявления различных особенностей национальной культуры, т. к. в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений и их дефиниций, обусловленных жизненным опытом.

Рассмотренный материал гастрономических лексем из якутских, хакасских и алтайских народных сказок позволяет сделать следующие предварительные **выводы**:

1) связь якутской, хакасской и алтайской гастрономической лексики сохранилась в немногочисленных, но весьма специфичных и значимых для трех народов блюдах (продуктах), которые репрезентируют общие языковые корни. В данном случае сказка как жанр фольклора находится в статусе дополнительного подтверждающего источника. В рассмотренных сказках мы не находим пищу как главный этиологический элемент. Пища привязана к традиционному занятию, к повседневной жизни, т. е. во многом имеет бытовой характер;

2) выборка подтвердила, что в сказках персонажи питаются молочными, мясными продуктами, что и является отражением реальной жизни этих народов. Скотоводство и коневодство, как основные традиционные занятия, нашли свое место и в сказках;

3) отмечены древнетюркские начала некоторых лексем (*bīš-* ‘вариться, свариться’, *qur* ‘сухой’) как признак единства пищевой культуры и стабильности традиционных занятий, распространенности на больших территориях;

4) наличие традиционных блюд, образовавшихся в условиях холода (например, *як. лыыба*), репрезентирует зависимость лексики от окружающего мира, о приспособленности к жизни в сложных условиях.

Сокращения

АНС — Алтайские народные сказки.

БТСЯЯ — Большой толковый словарь якутского языка.

ТСЯЯ — Толковый словарь якутского языка.

ДСЯС — Диалектологический словарь языка саха.

ДТС — Древнетюркский словарь.

ИПИРЯ — Исторические предания и рассказы якутов.

ХНС — Хакасские народные сказки.

ЯНС — Якутские народные сказки.

Список литературы

Алтайские народные сказки / сост. Т. М. Садалова. — Новосибирск: Наука, 2002. — 455 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21)

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. — Я.: Якутское книжное изд-во, 1971. — 175 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. Т. IV: (Буква К) / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2007. — 672 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын — кээчэрэ) / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2008. — 616 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2009. — 519 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV (Буквы Ч–Ы) / Акад. Наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2017. — 589 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII: (Буквы У, Y) / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2015. — 598 с.
- Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2016. — 639 с.
- Демчинова М. А.** Сюжеты и стиль алтайской волшебной сказки. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское кн. изд-во, 2003. — 163 с.
- Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. — Новосибирск: ВО «Наука». — 296 с.
- Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 676 с.
- Дьяконова Ю. Н.** Якутская сказка: (русско-якутские взаимосвязи) / отв. ред. С. П. Рожнова; АН СССР, Сибирское отд-ние, Якутский фил., Ин-т яз., лит. и истории. — Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1990. — 183 с.
- Исторические предания и рассказы якутов = Саха быллыргы сэһэннэрэ уонна кэпсээннэрэ / Акад. наук СССР, Якут фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; изд. подгот. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова; [отв. ред. Н. В. Емельянов]. — Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1960. — Ч. 1. — 322 с.
- Ксенофонтов Г. В.** Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1, 1-я книга. — Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. — 416 с.
- Павлова Н. В.** Якутская волшебная сказка: сюжетный состав и основные образы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Якутск, 2015. — 26 с.
- Попов Г. В.** Этимологический словарь якутского языка. — Новосибирск: Наука, 2003. — 180 с. (Ч. I: А–Дь).
- Потанов Л. П.** Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Советская этнография. — 1978 (2). — № 5. — С. 85–95.
- Потанов Л. П.** Пища алтайцев (этнографический очерк) // Сб. МАЭ. — М.-Л.: Наука, 1953. — Т. XIV — С. 37–71.
- Садалова Т. М.** Алтайская народная сказка: этнофольклорный контекст и связи с другими жанрами. — Горно-Алтайск, 2003. — 177 с.
- Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». — М.: Наука, 1980. — 394 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2004. — 680 с. (Буква А).
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. — Новосибирск: Наука, 2005. — 912 с. (Буква Б).
- Торокова Е. С.** Хакассские народные бытовые сказки: сюжетный состав и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2005. — 22 с.
- Хакассские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сычпенко. — Новосибирск: Омега Принт, 2014. — 770 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 33).
- Якутские народные сказки / Сост. В. В. Илларионов, Ю. Н. Дьяконова, С. Д. Мухоплёва и др. — Новосибирск: Наука, 2008. — 462 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 27)

Николаев Егор Револьевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела якутского языка.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Ул. Петровского, д. 1, г. Якутск, республика Саха (Якутия), 677027.
E-mail: 1953307@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 ноября 2019 г.

E. R. Nikolaev

ON SEMANTIC PARALLELS IN THE TRADITIONAL FOOD VOCABULARY OF THE TURKIC LANGUAGES
(BASED ON YAKUT, KHAKASS, ALTAI FOLK TALES)

The article presents the results of the research, which were based on the material of 123 Yakut, Altai and Khakass folk tales from academic publications. Semantic convergence of 22 names of food on the composition of the dish is given: dairy, meat, fish, vegetable. It is emphasized that in the stories of folk tales, presented are words that reflect the gastronomic vocabulary of the real life of the people. Food is tied to a traditional occupation, to everyday life, i.e. in many ways has an everyday character. It was revealed that the system of names of food of the Yakuts, Khakass and Altaians arose on the basis of the general type of traditional occupations — cattle breeding and horse breeding. The comparative-comparative method established that the considered vocabulary of food has a heterogeneous nature, which is directly related to the development of territories with different natural and climatic conditions. The comparison and collation method established that the considered vocabulary of food has a heterogeneous nature, which is directly related to the development of territories with different natural and climatic conditions. The main difference is due to different conditions of occurrence: cold climate, permafrost Yakut *lyyba*); developed agriculture (Altaic *talkan*), etc. The lexemes related to the periphery of the gastronomic vocabulary are described: common Turkic base *bīš-* 'to boil, stew; names of kitchen utensils, dishes (Khakass *бepęcma* 'table', etc.); fragments of the ritual of asking for a child (Khakass tale "Khuzurgas"); national traditions (hospitality, ritual food).

Keywords: *Yakut language, Altai language, Khakass language, Turkic languages, folk tale, food vocabulary.*

References

- Altaiiskie narodnye skazki [Altai folk tales] / sost. T. M. Sadalova. — Novosibirsk: Nauka, 2002. — 455 p. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; Vol. 21)
- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoi leksike iakutskogo iazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. — Ia.: Iakutskoe knizhnoe izd-vo, 1971. — 175 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: Vol. IV: (Bukva K) / Pod red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2007. — 672 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: Vol. V: (Bukva K: kyølehis gyn — keechere) / Pod red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2008. — 616 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: Vol. VI: (Bukvy L, M, N) / Pod red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2009. — 519 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: Vol. VII: (Bukvy U, Y) / Pod red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2015. — 598 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: Vol. VIII: (Bukva Kh) / Pod red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2016. — 639 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]: Vol. XIV (Bukvy Ch–Y) / Akad. Nauk Resp. Sakha (Iakutiia), In-t gumanitar. issled.; pod obshch. red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2017. — 589 p.
- Demchinova M. A.** Siuzhety i stil' altaiskoi volshebnoi skazki [Plots and style of the Altai fairy tale]. — Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiiskoe kn. izd-vo, 2003. — 163 p.
- D'iaconova Iu. N.** Iakutskaiia skazka: (rusko-iakutskie vzaimosviazi) [Yakut tale (Russian-Yakut relationship)] / otv. red. S. P. Rozhnova; AN SSSR, Sibirskoe otd-nie, Iakutskii fil., In-t iaz., lit. i istorii. — Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1990. — 183 p.
- Dialektologicheskii slovar' iazyka Sakha [Sakha dialectological dictionary]: Dopolnitel'nyi tom / sost. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Iu. I. Vasil'ev. — Novosibirsk: VO «Nauka». — 296 p.
- Drevnetiurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Red. V.M. Nadeliaev i dr.; AN SSSR, In-t iazykoznaniiia. — Leningrad: Nauka. Leningrad. otd-nie, 1969. — 676 p.

- lakutskie narodnye skazki [Yakut folk tales] / Sost. V. V. Illarionov, Iu. N. D'iakonova, S. D. Mukhopleva i dr. Novosibirsk: Nauka, 2008. — 462 p. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; Vol. 27).
- Istoricheskie predanija i rasskazy jakutov [Historical traditions and stories of the Yakuts] = Saha bylyrgy sjehjennjerje uonna kjepsjejjennjerje / Akad. nauk SSSR, Jakut fil. Sib. otd-nija, In-t jaz., lit. i istorii ; izd. podgot. G. U. Jergis; pod red. A. A. Popova; [otv. red. N. V. Emel'janov]. — Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. — Vol. 1. — 322 p.
- Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales] / Sost. E. S. Torokova, G. B. Sychpenko. — Novosibirsk: Omega Print, 2014. — 770 p. (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; Vol. 33).
- Ksenofontov G. V.** Uraangkhai-sakhalar. Oчерki po drevnei istorii iakutov [Essays on the ancient history of the Yakuts]. Vol. 1, 1-ia kniga. — Iakutsk: Nats. izd-vo Respubliki Sakha (Iakutiia), 1992. — 416 p.
- Pavlova N. V.** Iakutskaja volshebnaia skazka: siuzhetnyi sostav i osnovnye obrazy [Yakut fairy tale: storyline and main characters]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Iakutsk, 2015. — 26 p.
- Popov G. V.** Etimologičeskii slovar' iakutskogo iazyka [Etymological dictionary of the Yakut language]. — Novosibirsk: Nauka, 2003. — 180 p. (Ch. I: A–D').
- Potapov L. P.** Istoricheskie svjazi altae-sajanskih narodov s jakutami (po jetnograficheskim materialam) [Historical ties of the Altai-Sayan peoples with the Yakuts (based on ethnographic materials)] // Sovetskaja jetnografija. — 1978 (2). — № 5. — Pp. 85–95.
- Potapov L. P.** Pishha altajcev (jetnografičeskij oчерk) [Altai food (ethnographic essay)] // Sb. MAJe. — M.-L.: Nauka, 1953. — Vol. XIV — Pp. 37–71.
- Sadalova T. M.** Altaiskaia narodnaia skazka: etnofol'klornyj kontekst i svjazi s drugimi zhanrami [Altai folk tale: ethnographic context and connections with other genres]. — Gorno-Altajsk, 2003. — 177 s.
- Sevortian E. V.** Etimologičeskii slovar' tiurkskikh iazykov. Obščetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na bukvy «V», «G» i «D» [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and Inter-Turkic bases on the letters «B», «G» and «D»]. — M.: Nauka, 1980. — 394 p.
- Tolkovyj slovar' iakutskogo iazyka [Explanatory dictionary of the Yakut language] / Pod red. P. A. Sleptsova. — Novosibirsk: Nauka, 2004. — 680 p. (Bukva A).
- Tolkovyj slovar' iakutskogo iazyka [Explanatory dictionary of the Yakut language] / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2005. — 912 p. (Bukva B).
- Torokova E. S.** Khakasskie narodnye bytovye skazki: siuzhetnyi sostav i poetika [Khakass folk everyday tales: plot composition and poetics]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ufa, 2005. — 22 p.

Nikolaev Egor Revol'evich, candidate of philology, junior researcher, Yakut language department.

RAS, Siberian branch, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.

1 Petrovsky st., Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: 1953307@mail.ru